

Р.А. БАБКИН

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ МАРГИНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ РОССИИ

Маргинализация общества – одна из острейших проблем современной России, ведущая к замедлению развития социального и человеческого капитала. Мировая практика показывает, что социальная атмосфера служит необходимой средой для самореализации личности и раскрытия заложенного в ней природного потенциала. Социальный фон задает определенные стандарты самовыражения человека, способствует конвертации его талантов в экономической и культурной плоскостях, является неотъемлемой частью процесса формирования гражданского общества. Если современное образование, качественная медицина или высокая культура стимулируют развитие человеческого капитала, то преступность, бедность или социальные заболевания, напротив, подавляют его рост. В статье показана многогранность маргинализации, объяснены основные ее причины и региональная специфика. Предложены система индикаторов и методика, позволяющая дать оценку этому явлению. Автором представлена попытка связать ряд статистических показателей социальной эксклюзии с наиболее яркими характеристиками маргинализации социума. На этой основе разработана методика оценки маргинализации региональных социумов, показаны неоднородность и региональная специфика этого явления, а также выявлены основные факторы географического, экономического и культурно-институционального происхождения, обуславливающие пониженные или повышенные значения маргинализации.

Ключевые слова: социальная маргинализация, качество жизни, региональное неравенство, социальная напряженность.

JEL: Z13

Социально-экономическая атмосфера и качество жизни населения оказывают влияние на все стороны жизни человека и напрямую связаны с его жизнью, здоровьем и материальным положением. Оценка качества жизни населения далеко не так тривиальна, как может показаться на первый взгляд. Его измерение через сухие статистические показатели (уровень доходов, число учреждений образования, здравоох-

ранения и т.д.) дает искаженную картину действительности, поскольку они носят больше количественный, нежели качественный характер. Возникает закономерный вопрос: можно ли оценить качество жизни через количественные статистические показатели и при этом получить более-менее достоверную и приближенную к реальности картину? Вероятно – да, и в данной работе мы попробуем это сделать. В настоящей статье автор делает попытку подойти к оценке качества жизни от обратного, оценив ее антикачество. При помощи совокупности избранных показателей мы измерим маргинализацию социумов в региональном срезе, которую вслед за Р. Парком будем считать мерилom социальной эксклюзии человека, а, соответственно, – антикачеством его жизни [1].

Опыт оценки маргинализации общества

История попыток оценки развития общества и степени его маргинализации, которую можно считать антиподом развития социального и человеческого капитала, уходит далеко в прошлое. Еще Аристотель говорил, что такие человеческие качества, как нравственность, стремление к знаниям или добродетельность, – неотъемлемая часть общественного богатства [2]. В последующие эпохи человеческим способностями и социальному капиталу уделяли внимание ведущие экономисты и социологи А. Смит, Д. Рикардо, Э. Берк, К. Маркс. Позднее эту тему широко исследовали представители Чикагской школы социологии Р. Парк, Э. Берджесс и др.

Современные подходы к изучению качества человеческого капитала получили развитие благодаря работам А. Сена, С. Ананда, Ю. Кирдара, Р. Инглхарда и др. [3; 4]. А. Сен и С. Ананд разработали для Программы развития ООН *индекс развития человеческого потенциала* (далее – ИРЧП), который сегодня служит наиболее популярной формой оценки уровня социального развития/неразвитости стран и регионов. Он в комплексе оценивает их экономическую и социальную эффективность, а также качество жизни проживающего там населения. ИРЧП рассчитывается как среднеарифметическая величина трех равнозначных показателей: ВВП по паритету покупательной способности на душу населения (характеризует уровень дохода), доли грамотных и доли учащихся (показателей уровня образования) и ожидаемой продолжительности жизни (характеристики, отражающей долголетие).

Другой мерой оценки уровня развития общества можно считать *индекс социального прогресса*¹. Индекс измеряет социальный прогресс в европейских регионах на уровне NUTS2, используя двенадцать компонентов, которые затем объединяются в три более широких измерения, описывающих более общие аспекты социального прогресса, такие как:

¹ Рейтинг стран мира по уровню социального прогресса. URL: <http://ranking.kz/ru/a/reviews/rejting-stran-mira-po-urovnyu-socialnogo-progressa-2019> (дата обращения: 28.12.2020).

- основные потребности человека: питание и базовая медицинская помощь, вода и санитария, жилищные условия, личная безопасность;
- основы благополучия: доступ к базовым знаниям, доступ к информации и общению, здоровье и благополучие, качество окружающей среды;
- возможности: личные права, личная свобода выбора, терпимость и включенность в гражданскую жизнь, доступ к высшему образованию.

Еще одним интересным примером социального индекса качества жизни можно считать *индекс лучшей жизни ОЭСР*², созданный в 2011 г., учитывающий характеристики, делающие жизнь человека лучше. К их числу относятся жилищные условия и расходы (например, цены на недвижимость); доходы и финансовое состояние домохозяйства; условия труда (зарботок, гарантия занятости и безработица); качество социальной поддержки, здравоохранения, образования и окружающей среды; гражданская вовлеченность; уровень счастья; безопасность (количество убийств и нападений); баланс между работой и личной жизнью.

Стоит отметить, что социальный капитал важен для будущего развития, ведь накопленный социальный капитал настоящего поколения закладывает человеческий капитал последующего [5].

Помимо этого, в международной практике существует множество подходов к оценке различных компонентов маргинализации: уровня преступности, распространения социальных заболеваний, качества жизни и т.д.

Методика оценки

В статье предлагается измерение качества жизни в регионах Российской Федерации через уровень маргинализации их социумов, т.е. фактически с помощью нескольких выбранных показателей рассчитывается антикачество жизни. Чтобы не брать в расчет огромное количество различного рода показателей, были выделены и использованы избранные маркирующие показатели, которые позволяют наиболее точно оценить масштаб маргинализации в обществе. Основные принципы выбора показателей и составления методики оценки таковы:

1. фиксированные границы показателей — для возможности проведения межрегиональных сравнений в динамике;
2. среднее число используемых показателей должно быть таким, чтобы каждый показатель являлся важным, но не решающим;
3. обратная шкала оценки — т.е. чем выше значение показателя, тем хуже, чем ниже — тем лучше (следствие оценки антикачества жизни);

² Индекс лучшей жизни // ОЭСР. 2020. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/> (дата обращения: 28.12.2020).

4. примерная равнозначность показателей за счет примерно равной доли в общем коэффициенте и грамотной подборки границ для показателей;
5. иерархичность индекса – итоговый индекс состоит из совокупных индексов, состоящих в свою очередь из нескольких показателей;
6. взаимодополняемость показателей в пределах совокупных индексов – показатели внутри совокупных индексов должны многоаспектно отражать социально-экономическую ситуацию;
7. невысокий уровень статистических погрешностей при сборе – показатели должны быть максимально объективны (например, уровень убийств весьма объективный показатель, поскольку его сложно фальсифицировать, а уровень преступности, напротив, может серьезно изменяться под воздействием системы учета и т.д.).

Показатели для оценки

Оценивать маргинализацию общества предлагается с помощью трех групп показателей, представленных на *рисунке 1*.

Рис. 1. Показатели для оценки уровня маргинализации общества

Источник: составлено автором.

Совокупные индексы будут находиться из индексов базовых статистических показателей (путем вычисления среднего арифметического).

Обоснуем выбор показателей для оценки.

Заболеваемость ВИЧ (*HIV*) – количество людей, живущих с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция на 100 тыс. населения. Заболевание, несущее большую угрозу обществу, демонстрирует распространение в нем наркомании и беспорядочных сексуальных контактов. При этом в отличие от туберкулеза ВИЧ не столько маркер бедности, сколько общей духовной деградации общества.

Заболеваемость активным туберкулезом (Т) – число пациентов, находящихся под диспансерным наблюдением на конец года на 100 тыс. населения. Болезнь бедности, хорошо показывает качество и уровень жизни населения, наличие социально дезадаптированных групп населения, а также качество медицинского обслуживания в учреждениях здравоохранения и состояние учреждений пенитенциарной системы.

Преступность среди несовершеннолетних (УО) – выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления на 100 тыс. населения. Ярко характеризует маргинализацию общества, т.к. подростки наиболее чувствительны к изменениям социального фона. Показатель косвенно характеризует также такие проблемные вопросы, как детский алкоголизм, токсикоманию и наркоманию, склонность к насилию среди несовершеннолетних. Кроме того, важно учитывать тот факт, что многие люди, совершившие преступление в подростковом возрасте, могут совершить его и во взрослой жизни, тем самым закладывая основы для будущей криминализации региона.

Смертность в результате убийств (МУ) – число убийств на 100 тыс. населения. Характеризует криминогенную обстановку и уровень насилия в регионе и отражает насколько он физически безопасен для проживания.

Смертность в результате ДТП (ТА) – число погибших в ДТП на 100 тыс. населения. Один из показателей, характеризующий общую культуру общества, косвенно отражает такие неблагоприятные характеристики как уровни коррупции, развития городской среды, а также экономического состояния населения.

Смертность в результате отравлений алкоголем и самоубийств (АР) – число алкогольных отравлений со смертельным исходом и самоубийств на 100 тыс. населения. Отчетливо демонстрирует степень деградации общества и остроту социально-экономического кризиса в регионе. Алкоголь с точки зрения общества – наиболее опасное психотропное вещество (прежде всего в силу широкого распространения), которое воздействует как само по себе (путем воздействия на здоровье и разум человека), так и опосредованно – стимулирует различные асоциальные действия, повышает конфликтность между людьми.

Миграционный отток населения (МД) – число безвозвратных мигрантов на 100 тыс. населения. Показывает остроту демографического кризиса в регионе и общего социально-экономического фона. Косвенно характеризует также величину демографической нагрузки и старения населения.

Уровень младенческой смертности (ИМ) – число младенческих смертей на 100 тыс. населения. Комплексно отражает социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации, прежде всего уровень развития региональной медицины и т.д.

Уровень бедности (PL) – соотношение среднедушевых доходов населения и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Характеризует материальное благополучие населения региона, его способность удовлетворять свои потребности в товарах и услугах.

Расчет совокупных индексов мы будем производить через среднее арифметическое их показателей, которые в свою очередь будут оценены по шкале от 0 до 1. Итоговый коэффициент социальной маргинализации вычислим по формуле:

$$K_{sm} = \sqrt[3]{I_{sd} \times I_{ud} \times I_{sa}}.$$

Важным аспектом составления подобных индексов является процесс выделения границ. В данной статье мы установим строгие постоянные границы для возможности сравнения регионов между собой, а также в динамике. Для этого будет использоваться прогрессивная шкала с экспоненциальной функцией $Y(x) = 1 - e^{-x}$. Исключение в расчетах составляет коэффициент бедности, для которого будем использовать плоскую шкалу.

Исходя из того, что коэффициент социальной маргинализации показывает антикачество жизни (проще говоря, 0 – хорошо, 1 – плохо), то нижней (нулевой) границей для показателей, очевидно, будет отсутствие того или иного явления.

Определить же верхнюю границу намного сложнее. Для того чтобы иметь возможность проводить репрезентативный анализ коэффициента социальной маргинализации (K_{sm}) в динамике, предлагается использовать статичную верхнюю границу для всех показателей, хотя такой подход вызывает проблему верной установки верхней границы.

Будем исходить из того, что за x мы взяли, в отличие от простой шкалы, не значение показателя, а его процент от гипотетического максимального значения.

Верхняя граница (B_e) = [Медиана · 100] с дальнейшим округлением в зависимости от показателя до ближайшего порядка или половины порядка (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Расчет границ для показателей

Индекс	Название показателя	Медиана распределения для показателей за 2010–2019 гг. (на 100 тыс. населения)	Нижняя граница	Верхняя граница
1	2	3	4	5
<i>HIV</i>	Заболеваемость ВИЧ (общая)	337	Отсутствие болезни	Болезнь охватывает 4% населения
$B_e = [337 \cdot 100] = 33700 \rightarrow 50$ тыс.				
<i>T</i>	Заболеваемость активным туберкулезом	130	Отсутствие болезни	Болезнь охватывает 0,8% населения
$B_e = [130 \cdot 100] = 13000 \rightarrow 10$ тыс.				

Окончание табл.

1	2	3	4	5
UO	Преступность среди несовершеннолетних	40	Несовершеннолетние не совершают преступления и не участвуют в их совершении	Несовершеннолетние совершают 400 преступлений в год на 100 тыс. населения
$B_2 = [40 \cdot 100] = 4000 \rightarrow 5$ тыс.				
MU	Число убийств	8	Отсутствие убийств	80 убийств в год на 100 тыс. населения
$B_2 = [8 \cdot 100] = 800 \rightarrow 1$ тыс.				
TA	Число смертей от ДТП	8,5	Отсутствие смертей в результате ДТП	80 смертей в год от ДТП на 100 тыс. населения
$B_2 = [8,5 \cdot 100] = 850 \rightarrow 1$ тыс.				
AP	Число отравлений алкоголем со смертельным исходом и самоубийств	32	Отсутствие алкогольных отравлений со смертельным исходом и самоубийств	400 алкогольных отравлений и суицидов в год на 100 тыс. населения
$B_2 = [32 \cdot 100] = 3200 \rightarrow 5$ тыс.				
MD	Миграционный отток населения	132	Миграционный отток отсутствует	Отток 4 000 чел. в год на 100 тыс. населения
$B_2 = [132 \cdot 100] = 13200 \rightarrow 10$ тыс.				
IM	Уровень младенческой смертности	637 (на 100 тыс. родившихся)	Младенческая смертность отсутствует	Младенческая смертность 8 на 100 новорожденных
$B_2 = [637 \cdot 100] = 63700 \rightarrow 50$ тыс.				
PL	Уровень бедности	—	На среднедушевой доход можно приобрести 4 и более фиксированных наборов потребительских товаров и услуг	На среднедушевой доход можно приобрести 1 и менее фиксированных наборов потребительских товаров и услуг
B_2 устанавливается на уровне 4 (используется плоская шкала)				

Источник: составлено автором.

Поскольку некоторые статистические показатели отличаются высокой волатильностью (особенно для малонаселенных регионов), рассмотрим географическую картину коэффициента маргинализации (K_{sm}) за 2015–2019 г. В целом итоговый индекс маргинализации регионов России отражает совокупную массу социально-экономических проблем, имеющих в каждом из них (см. рис. 2).

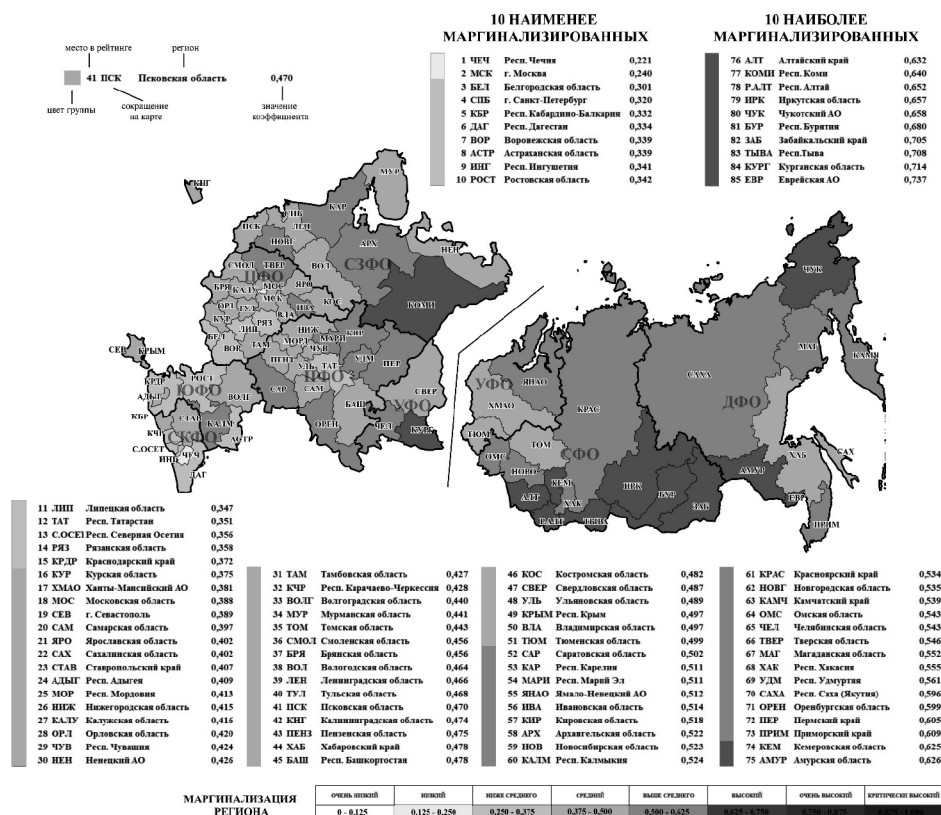

Рис. 2. Оценка маргинализации регионов Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором.

Наименьшим уровнем социальной маргинализации ($K_{sm} \leq 0,375$) во второй половине 2010-х гг. отличались:

- национальные республики Северного Кавказа: Республика Чечня (0,221), Республика Кабардино-Балкария (0,332), Республика Дагестан (0,334), Республика Ингушетия (0,341) и Республика Северная Осетия – Алания (0,356);
- федеральные города: Москва (0,240), Санкт-Петербург (0,320);
- некоторые южнорусские регионы староосвоенной зоны: Белгородская (0,301), Воронежская (0,339), Астраханская (0,339), Ростовская (0,342), Липецкая (0,347), Рязанская (0,358), Курская (0,375) области и Краснодарский край (0,372);
- Республика Татарстан (0,351).

Наивысшей социальной маргинализацией ($K_{sm} > 0,625$) по итогам 2015–2019 гг. характеризовались следующие группы регионов:

- национальные республики Сибири и Дальнего Востока: Республика Бурятия (0,680), Республика Алтай (0,652), Республика Тыва (0,708), Чукотский АО (0,658);

- регионы Дальнего Востока: Амурская область (0,626), Еврейская АО (0,737), Забайкальский край (0,705);
- индустриальные регионы Сибири, Урала и европейского севера: Иркутская (0,657), Кемеровская (0,626), Курганская (0,714) области, Алтайский край (0,632), Республика Коми (0,640).

В целом картина маргинализации претерпела серьезные изменения с 2010–2014 гг., уменьшившись во всех регионах. Рассматривая динамику уровня маргинализации, стоит отметить, что показатель снизился во всех субъектах Российской Федерации. Если во второй половине 2010-х гг. $K_{sm} \leq 0,375$ был в 17 регионах, то в первой – только в четырех – Москве, Санкт-Петербурге, Белгородской области и Республике Чечня. При этом в четырех регионах (Республика Тыва, Еврейская АО, Иркутская и Курганская области) в 2010–2014 гг. отмечался очень высокий уровень маргинализации ($K_{sm} \geq 0,750$). Все это свидетельствует о поступательном улучшении общей ситуации в стране, хотя по отдельным показателям (например, распространение ВИЧ-инфекции или уровень бедности) ситуация остается сложной или даже ухудшается.

Ниже рассмотрим более детально составные показатели социальной маргинализации и дадим их качественную характеристику.

Блок 1: Социальные заболевания и девиантное поведение. Распространение ВИЧ-инфекции

Картина значений индекса этого серьезнейшего социального заболевания показывает, что оно неравномерно распространено на территории страны (см. рис. 3). Наиболее пострадавшие от инфекции регионы концентрируются в трех узлах наркотрафика: Уральском (Свердловская, Челябинская и Тюменская области, Пермский край), в Сибирском (Новосибирская, Кемеровская, Томская и Иркутская области, Красноярский край) и Московском (Москва и Московская область) [6].

При этом сильно страдают транзитные регионы, например, крупнейшие перевалочные регионы наркоторговли в Московский регион – Оренбургская, Саратовская, Самарская и Ульяновская области, в Уральский ареал – Курганская область, в Сибирский – Омская область и Алтайский край. При этом, помимо ВИЧ-инфекции в регионах с высокой долей наркомании наблюдается повышенный уровень преступности, а сама наркоторговля, как показывает международный опыт, является одним из основных стимулов высокой преступности [8].

В целом в группу риска входят либо относительно богатые индустриальные регионы, либо приграничные или расположенные на маршрутах наркоторговли из Афганистана субъекты Федерации (см. рис. 4).

Рис. 4. Основные маршруты оборота оплатов через Среднюю Азию в Россию

Источник: [6].

Чаще всего барьерными факторами распространения этого социального заболевания служат удаленность от основных каналов поставок наркотиков, распространение традиционных ценностей или невысокий уровень дохода. Например, до регионов европейского севера (Архангельская и Вологодская области, Республики Карелия и Коми) наркотрафик практически не доходит, поскольку невостребованный в столичном регионе продукт реализуется в более доступных и крупных центрах – Санкт-Петербурге на севере или Краснодарском крае на юге. В связи с этим распространение заболевших в «медвежьих углах» идет медленнее. Однако рост наблюдается и там, в последние годы все сильнее затрагивая ранее благополучные регионы Северного Кавказа и Черноземья.

Распространение туберкулеза

Наиболее подвержены этой болезни лица, живущие в антисанитарных условиях и с плохим рационом питания. Именно поэтому раньше туберкулез называли болезнью бедности, хотя и по сей день он остается одним из серьезнейших социальных заболеваний.

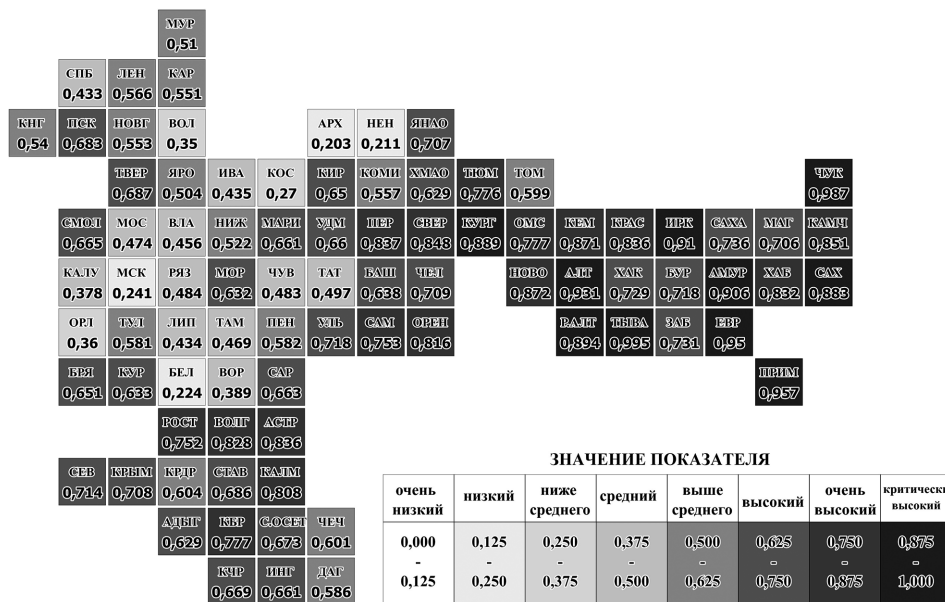

Рис. 5. Значение индекса распространения туберкулеза по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.⁵

Источник: составлено автором по [10].

⁵ Ввиду отсутствия данных при расчетах показателя 2019 г. использовались данные 2018 г.

Финансирование противотуберкулезных мероприятий в Российской Федерации — одно из самых высоких в мире, что подтверждает высокий приоритет борьбы с этой болезнью со стороны государства [9]. За 2008–2018 гг. заболеваемость туберкулезом в стране снизилась на треть, смертность — более чем в полтора раза. При этом на фоне улучшения общей эпидемиологической ситуации повышаются риски в регионах с широким распространением ВИЧ-инфекции. Регионы с высокой пораженностью ВИЧ гораздо медленнее сокращают число туберкулезных больных, а смертность в них — больше.

Основную тяжесть инфекции принимают на себя регионы азиатской части страны (см. рис. 5). Здесь число больных туберкулезом во многом обусловлена повышенной долей лиц, освободившихся из мест заключения, поскольку большая часть бывших заключенных обычно остается в регионах, где отбывали наказание. Кроме того, на это накладываются и весьма тяжелые природно-климатические условия, благоприятствующие развитию этой болезни.

Распространение преступности среди несовершеннолетних

Регион как сложная территориальная общественная система формируется социальными и антисоциальными, в т.ч. криминогенными, процессами [11]. Преступность — результат сложного взаимодействия множества факторов и явлений, имеющих территориальные различия. Она выступает ярким маркером социально-экономической атмосферы общества, а ее высокие значения — признак рассогласования экономического и социального развития региона [12]. Еще в начале XX в. известный французский социолог и криминолог Г. Тард писал: «Физическое объяснение преступления по мере человеческого прогресса постепенно теряет свое значение, тогда как социальное постоянно усиливается» [13].

Несовершеннолетние являются одной из наиболее незащищенных социальных групп. Они более остальных подвержены стрессу, раздражению и при этом обладают большой энергией и амбициями. Желание подростков самоутвердиться нередко приводит их в мир криминала [14]. Эта социодемографическая группа наиболее восприимчива к социально-экономическим потрясениям и разнообразным кризисным явлениям. Именно поэтому этот вид преступности, на наш взгляд, наилучшим образом подходит для анализа маргинализации социума и дисфункции ключевого общественного института — семьи.

Взаимозависимость между уровнем развития городской среды и преступностью широко исследовалась в рамках экологии города. Так, американские социологи К. Шоу и Г. Маккей связали уровень преступности со структурными характеристиками социума, установив ключевые факты о коррелятах преступности и правонарушений в обществе [15].

1. Показатели преступности среди несовершеннолетних соответствовали пространственной структуре города.

2. Идентичный пространственный паттерн выявляется и по различным другим индексам социальных проблем.

3. Пространственная структура уровней преступности продемонстрировала значительную долгосрочную стабильность, даже несмотря на то, что структура населения в городских районах сильно изменялась на протяжении десятилетий.

4. В городских районах преступление совершается через сеть межличностных отношений с участием семьи, друзей или соседей.

К. Шоу и Г. Маккей также выявили, что социальная дезорганизация свойственна городским районам, где наблюдается бедность или высокая текучесть населения (нестабильность проживания), а также наличие значительных диаспор мигрантов.

К.Ю. Сикач выделила несколько ключевых факторов, влияющих на региональную криминогенную обстановку – уровень урбанизации, приграничное положение, нагрузку пенитенциарной системы, а также плотность транспортных путей [11].

Молодежной преступности весьма благоприятствует пространственная структура социалистического города. В условиях, когда городская структура представляет из себя чередование шахт, заводов, однотипных микрорайонов и пустырей, формируется нездоровая социальная среда, способствующая росту хулиганства и уличного бандитизма. Подтверждением чему служат наивысшие значения показателей в индустриальных городах Кузбасса, Прибайкалья, Урала и др. (см. рис. 6).

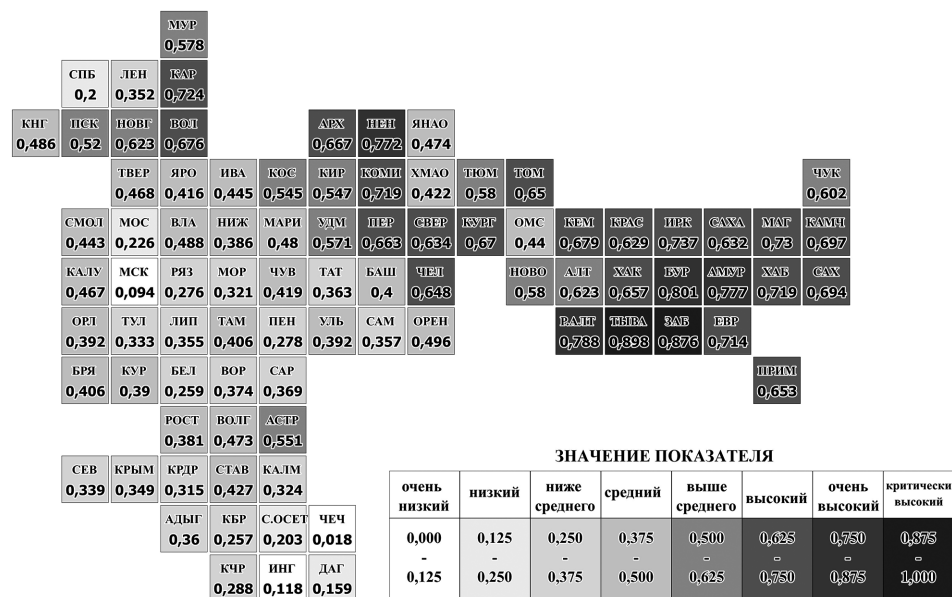

Рис. 6. Значение индекса преступности несовершеннолетних по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [16].

Активно внедряемые в последние годы системы видеонаблюдения, развитие уличного освещения, работа правоохранительных органов и экстренных служб существенно снизили уровень преступности в крупных городах (особенно это заметно в Москве). В то же время на периферии (например, в Тыве, Республике Алтай, Республике Бурятия, Забайкальском крае, Амурской области) сохраняются как высокие показатели подростковой преступности, так и некоторые ее архаичные формы⁶.

В сибирских и некоторых других регионах подростковая преступность стимулируется распространением учреждений ФСИН, высоким уровнем безработицы и бедности, недостатком досуговых учреждений для молодежи (спортивных и культурных центров).

Отдельная проблема – детская безнадзорность. В ряде субъектов Российской Федерации наблюдается высокая доля внебрачных детей, воспитание которых ложится на плечи одиноких матерей, с которым они не всегда могут справиться. В подобных условиях дети вынуждены искать поддержку на стороне и часто находят ее в криминальной среде [17].

Так, многие подростки, совершающие правонарушение, не посещают школу, являются сиротами или лишены родительского попечения, воспитываются в семьях, имеющих различные проблемы (алкоголизм, домашнее насилие и т.д.) [18]. На таком неблагоприятном социально-экономическом субстрате расцветают различные экстремистские организации. Во многих сибирско-дальневосточных регионах широкое распространение получило активно вербующее подростков движение АУЕ, запрещенное в России.

Блок 2: Неестественная смертность

Смертность от неестественных причин, пожалуй, наиболее показательный критерий неблагополучия и маргинализации в социуме. К числу основных причин такой смертности относятся убийства, ДТП, самоубийства и алкогольные отравления (последние две причины можно свести в один показатель в виду их высокой взаимозависимости и корреляции между собой).

Смертность в результате убийств. Убийства – самая тяжелая форма преступлений против личности, при этом данный тип преступлений наиболее простой при поиске доказательств его совершения. Наиболее значительные показатели индекса убийств наблюдаются в республиках Сибири и Дальнего Востока, а также в некоторых индустриальных регионах (см. рис. 7). Значительная удаленность от центра страны, суровые климатические условия, бедность населения, нарастающие инфраструктурные проблемы, неразвитая городская среда и распространение

⁶ В этих регионах по сей день сильно развита «культура» уличных банд, которая в других частях России практически исчезла.

алкоголизма ведут к социальному напряжению, значительному разрыву между богатыми и бедными слоями общества, его люмпенизации и маргинализации.

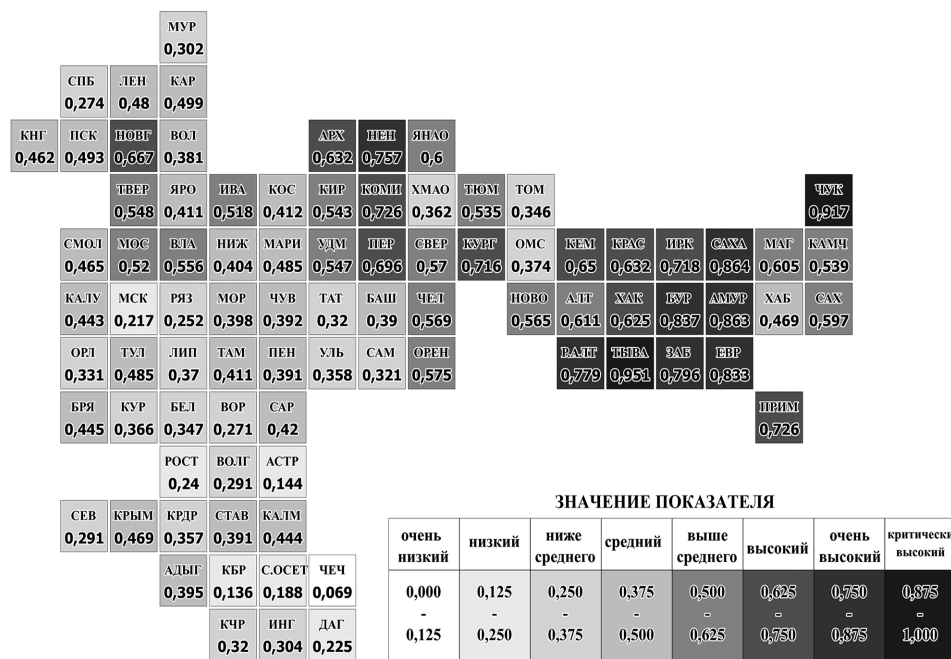

Рис. 7. Значение индекса убийств по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [19].

Преступность, особенно тяжелые ее формы, – свидетельство разрушения важнейших социальных институтов, и прежде всего института семьи. Семья служит основным сдерживающим фактором роста преступлений против личности. Около 60% виновных в совершении убийств и тяжких телесных повреждений не состоят в брачных отношениях, а 12% хотя и официально состоят в браке, но совместно с семьей не проживают [20].

Наблюдается прямая корреляция уровня убийств с экономической ситуацией в регионе: с ростом доходов на душу населения он сокращается, однако число убийств возрастает при росте неравенства в распределении доходов [21]. Наконец, особую опасность представляют убийства, сопряженные с изнасилованиями, как правило, совершаемые садистами и серийными маньяками [22]. Кроме того, такие преступления наибольшим образом накаляют информационный фон, что ведет к повышенному психоэмоциональному напряжению общества.

Смертность в результате ДТП. Аварийность на дорогах и смертность вследствие ДТП в общем виде служат отражением культуры вождения, которая в свою очередь является производной от общей культуры обще-

ства. Прозрачность получения водительских прав, соблюдение правил дорожного движения и внимательность водителей, как показывает мировая практика, – главные составляющие дорожной безопасности. Например, в Великобритании считается, что невнимательность опаснее превышения скорости. Поэтому там действует строгий запрет на разговоры по телефону, курение и прием пищи за рулем, при более лояльном отношении к превышению скорости⁷.

Во всех регионах России в течение последнего десятилетия наблюдается снижение уровня смертности от ДТП. Это связано с повышением культуры вождения, улучшением качества автопарка и дорожного покрытия, ужесточением правил дорожного движения и распространением систем видеофиксации правонарушений.

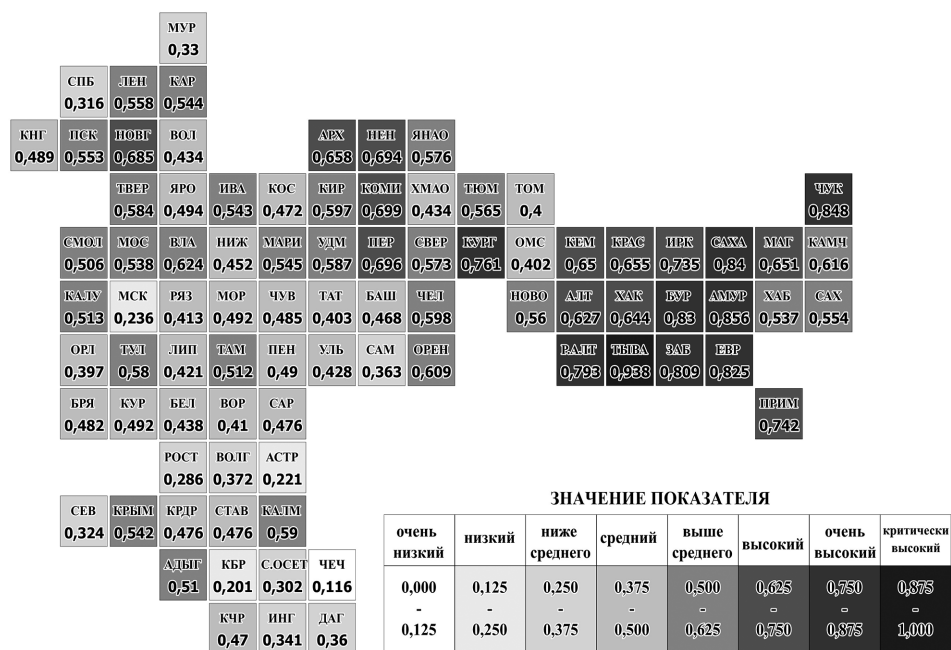

Рис. 8. Значение индекса смертности от ДТП по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [23].

Наивысшие значения смертности на дорогах характерны для регионов Сибири и Урала (см. рис. 8), где хуже качество дорог, более старый автопарк, высокая коррумпированность работников ГИБДД, распространены неблагоприятные погодные-климатические условия (гололеды, метели и др.). Возможно, отчасти играет роль и распространение праворульных автомобилей, не приспособленных под эксплуатацию

⁷ Игнатова О. Названы регионы, где на дорогах гибнет больше всего людей. URL: <https://rg.ru/2019/08/06/reg-cfo/nazvany-regiony-gde-na-dorogah-gibnet-bolshe-vsego-liudej.html> (дата обращения: 29.11.2020).

в отечественных условиях (хотя, отдельные эксперты, напротив, считают их значимость в аварийности преувеличенной, поскольку они оборудованы активными системами защиты)⁸. Дополнительным фактором риска служит распространение наркомании среди населения: в отличие от алкоголя факт потребления водителем наркотических веществ проверить проблематично [12].

Пониженная аварийность со смертельным исходом в силу меньшей средней скорости движения наблюдается в крупнейших городах (например, средняя скорость движения автотранспорта в Москве всего около 25 км/ч)⁹.

Смертность в результате алкогольных отравлений и суицидов.

Алкогольные отравления со смертельным исходом и самоубийства (которые чаще всего также тесно связаны с алкоголизмом) — яркие маркеры социально-экономического неблагополучия в обществе. По своей сути алкоголизм — социальное заболевание, поражающее наиболее трудоспособные слои населения. По статистике чаще всего смертность от алкоголя или самоубийств свойственна мужчинам в зрелом (30—40 лет) возрасте. Как правило, это следствие профессиональных и семейных неурядиц. Кроме нравственно-этических проблем, связанных с распространением пьянства, алкоголизм приводит к огромным экономическим потерям, ведь большое количество экономически активного населения оказывается вне процесса производства. Именно алкоголизм является главным социальным бедствием, обуславливающим и усиливающим суицидальные наклонности населения, живущего на Урале, в Сибири и Нечерноземье (см. рис. 9).

Установленный ВОЗ критический уровень частоты суицидов, свидетельствующий о необходимости принятия экстренных государственных мер, равен 20 случаям на 100 тыс. чел. [26]. Этот рубеж в 2019 г. пересекали 19 регионов. Среди них как старопромышленные русские регионы (Курганская, Кемеровская, Амурская области), так и некоторые национальные республики (Бурятия, Коми, Алтай, Удмуртия). Стоит отметить, что показатель уровня самоубийств существенно снизился с 2010 г., когда 2/3 российских регионов пересекали черту 20 смертей на 100 тыс. чел., а в национальных республиках Сибири и Дальнего Востока данный показатель достигал 60—90 на 100 тыс. чел.

На показатели смертности от алкоголя и самоубийств сильное влияние оказывает этнокультурный фактор. Так, у мусульманских народов Северного Кавказа (кабардинцы, чеченцы, ингуши и т.д.) и Поволжья (татары, башкиры) самоубийство недопустимо. Кроме того, там есть существенные религиозно-культурные ограничения на употребление алкоголя. Все это способствует низким значениям подобной смертности

⁸ Шупилов Е. Правый руль объехал статистику. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2010/06/01_a_3378441.shtml (дата обращения: 20.11.2020).

⁹ Средняя скорость движения автомобилей по Москве упала до критического уровня URL: https://www.geolife.ru/news/93/srednyaya_skorost_dvizheniya_avtomobiley_po_moskve_upala_do_kriticheskogo_urovnya/ (дата обращения: 29.11.2020).

в этих национальных республиках. У других народов самоубийство, напротив, может служить демонстрацией недовольства или искуплением какого-то греха, например, такая практика встречается у удмуртов и чувашей [27].

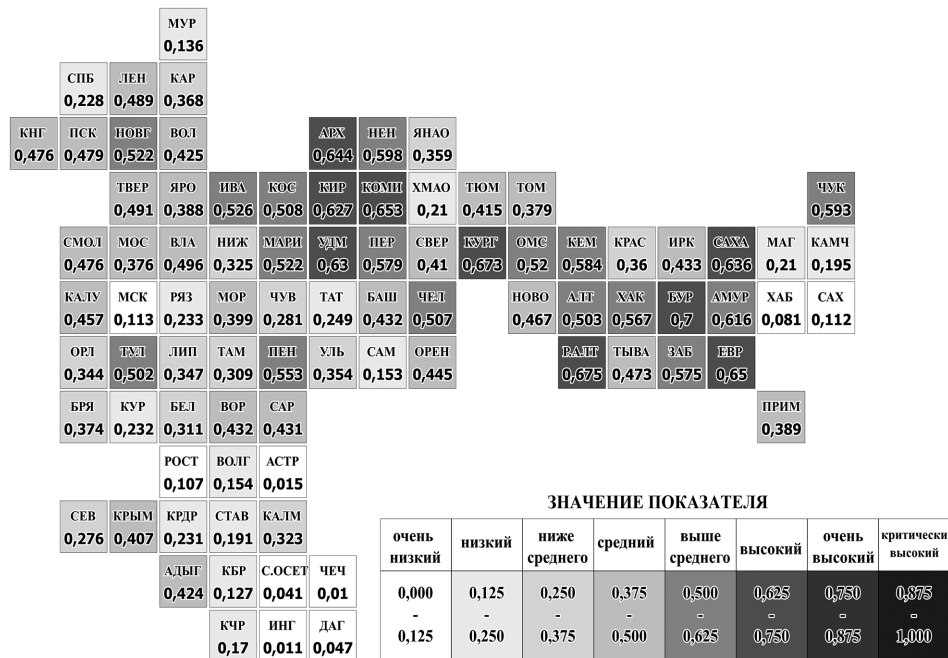

Рис. 9. Значение индекса смертности от самоубийств и алкогольных отравлений по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.
 Источник: составлено автором по [24; 25].

Разрушительное воздействие алкоголя имеет место для некоторых народов, у которых генетически не заложен фермент, который разлагает алкоголь. У части представителей таких народов (якуты, эвенки, чукчи, тувинцы и т.д.) при употреблении алкоголь сразу попадает в кровь и затем в мозг, блокируя механизмы самоконтроля и вызывая различные реакции на молекулярно-генетическом уровне, в т.ч. повышенную агрессивность [28]. Проблемы алкоголизма настолько серьезны для Якутии, Чукотки, Тывы, Кемеровской области и некоторых других субъектов Российской Федерации, что там на региональном уровне принимаются серьезные ограничительные меры по реализации алкогольной продукции (например, продление времени запрета продажи или полный запрет на продажу алкогольной продукции). К такому решению власти подтолкнул режим самоизоляции, в условиях которого риски алкоголизации населения существенно возросли¹⁰.

¹⁰ Некоторые регионы России ограничили продажу алкоголя и табака на период самоизоляции. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8131301> (дата обращения: 20.12.2020).

В целом распространение алкоголизма связано с отсутствием мест для занятости, развлечения и досуга (особенно в сельской местности и небольших городских центрах), сложными климатическими условиями, невозможностью людей иными способами преодолеть жизненные стрессовые ситуации. Злоупотребление алкоголем приводит к девиантному поведению и ощутимым экономическим издержкам. По мнению наркологов, 60% грабежей, разбоев и краж в России происходит в состоянии алкогольного и наркотического опьянения [12]. Серьезный удар принимают на себя многие общественные институты, такие как семья, в которой активизируются бытовые конфликты; рынок труда, лишаящийся рабочей силы трудоспособного возраста; система здравоохранения, затрачивающая ресурсы на излечение заболеваний, вызванных алкоголем; органы правопорядка, занимающиеся расследованием увеличивающегося числа правонарушений и т.д.

Алкоголизм – один из ведущих факторов отрицательного демографического отбора в сельской местности Нечерноземья, а также в депрессивных малых и средних городах. Он серьезно воздействует и на демографические процессы: многие молодые люди спиваются, даже не успев завести семью или, образовав ее, приводят к постепенной деградации. Наконец, имеющиеся исследования свидетельствуют, что алкоголизм является самым главным фактором, снижающим среднюю продолжительность жизни [29].

Блок 3: Социально-экономическая атмосфера

Такие индикаторы, как миграционный отток, младенческая смертность и бедность населения, служат интегральными характеристиками общего состояния социально-экономического благополучия регионов и уровня развития их экономической, образовательной, культурно-досуговой и медицинской баз.

Миграционный отток населения. Возможность горизонтальной мобильности населения позволяет людям выбирать для своего проживания наиболее комфортные места. Как правило, миграционный приток населения свидетельствует об относительной благополучности региона: наличии высокооплачиваемой работы, комфортной среды проживания, благоприятных природно-климатических условий и т.д. В то же время, теряющие население регионы, сталкиваются с противоположным воздействием этих факторов. Результаты «голосования ногами» – универсальная характеристика и, вероятно, наилучший маркер реальной социально-экономической ситуации и благополучности того или иного региона (см. рис. 10).

В 2015–2019 гг. мы наблюдаем незначительные величины миграционного оттока или же его отсутствие (т.е. миграционный приток) в большинстве регионов юга России (особенно приморских), в некоторых национальных республиках (Татарстане, Якутии, Ингушетии, Адыгее), а также в крупноагломерированных регионах: Москве

и Санкт-Петербурге с Московской и Ленинградской областями, Свердловской, Ростовской, Новосибирской областях, Красноярском крае. Даже некоторые традиционно проблемные индустриальные регионы, имеющие крупный городской центр, характеризуются нулевыми или незначительными значениями миграционного оттока (например, Самарская, Челябинская и Нижегородская области). В то же время наиболее тяжелые с точки зрения социально-экономической ситуации регионы не спасают даже города-миллионники – Волгоградская и Омская области, Пермский край. Наиболее тяжелая ситуация в регионах Дальнего Востока, европейского севера, некоторых регионах Урало-Поволжья и Северного Кавказа, где нет крупных конкурентноспособных городских центров. Так, стремительно теряют население Магаданская и Курганская области, Еврейская АО, Республика Коми – более чем по 1% в год. Отдельно стоит обратить внимание на благополучный в социально-экономическом плане Ямало-Ненецкий АО, который характеризуется значительной текучестью населения (при очень высоком на общероссийском фоне естественном приросте населения).

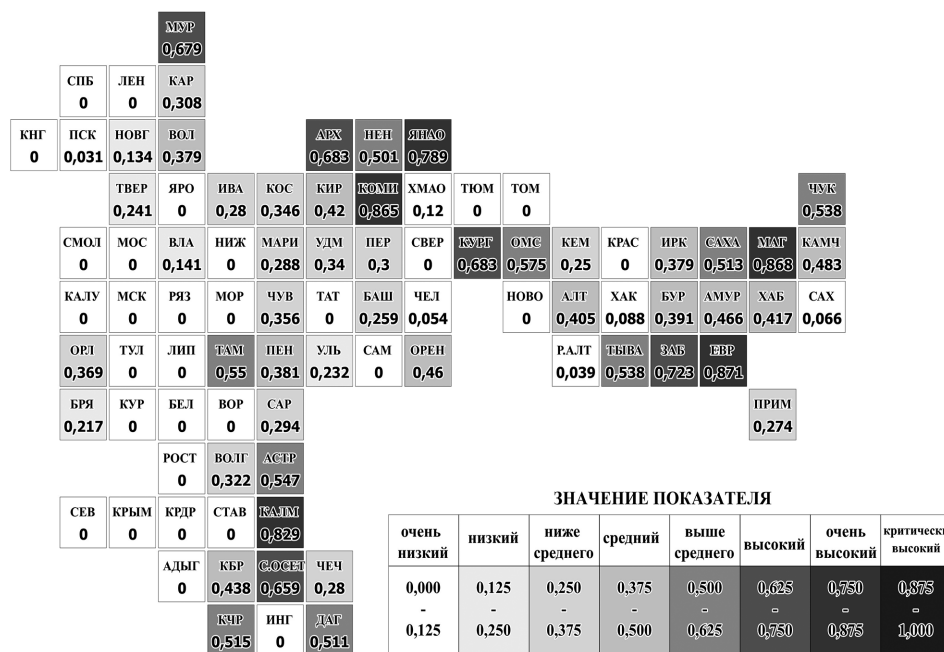

Рис. 10. Значение индекса миграционного оттока по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [30].

Уровень младенческой смертности. Данный показатель комплексно характеризует уровень развития системы здравоохранения в регионе. В отличие от остальных индикаторов, составляющих рейтинг, показатель младенческой смертности в российских регионах находится

в пределах нормы для развитых стран. К настоящему времени большинство субъектов Федерации добилося существенного сокращения младенческой смертности. Несколько повышенным этот показатель остается только в некоторых северокавказских, сибирских, а также дальневосточных регионах (см. рис. 11).

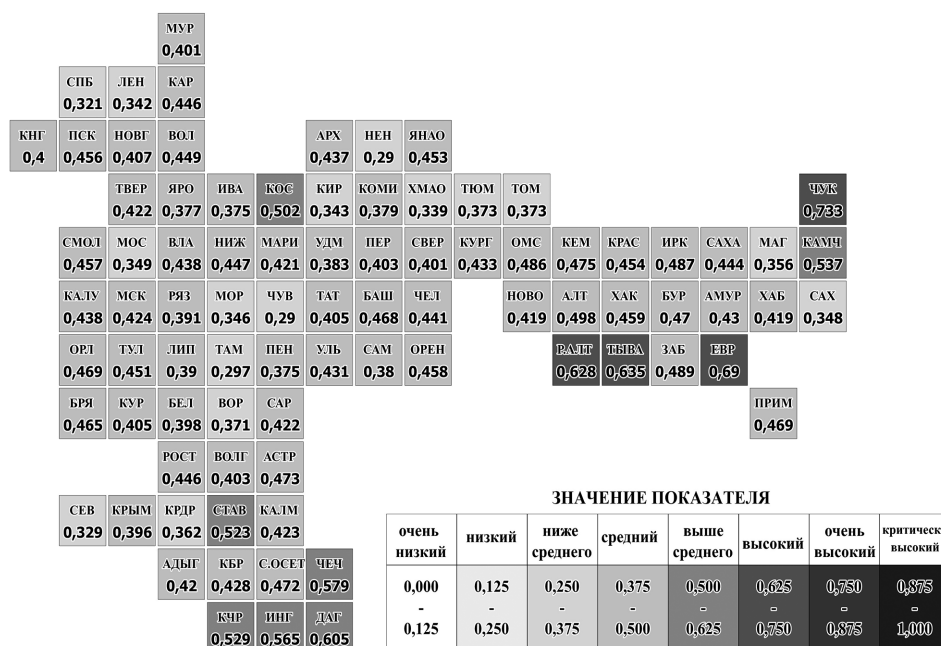

Рис. 11. Значение индекса младенческой смертности по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [31].

Бедность населения. Материальное неблагополучие — один из основных источников маргинализации и люмпенизации социума. В условиях невозможности обеспечивать достойный уровень жизни люди чаще находят выход в употреблении алкоголя или участвуют в криминальной деятельности. Наивысший уровень бедности характерен для регионов со слабой экономической базой, неразвитостью сырьевых отраслей или невысоким уровнем урбанизации (см. рис. 12).

В таких регионах как Калмыкия, Тыва или Карачаево-Черкессия средний уровень доходов населения едва превышает стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг — статистического показателя, наиболее полно отражающего основные потребности человека в нашей стране. Наилучшие значения индикатора имеют нефтегазодобывающие (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область) и крупноагломерированные регионы (прежде всего Москва и в меньшей степени Московская область, Санкт-Петербург и Свердловская область). Относительно неплохая ситуация в некото-

рых регионах Черноземья и в Татарстане, где несмотря на невысокие доходы, стоимость жизни также невелика, а многие домохозяйства имеют продуктивные пригородные участки, обеспечивающие их основными продуктами питания.

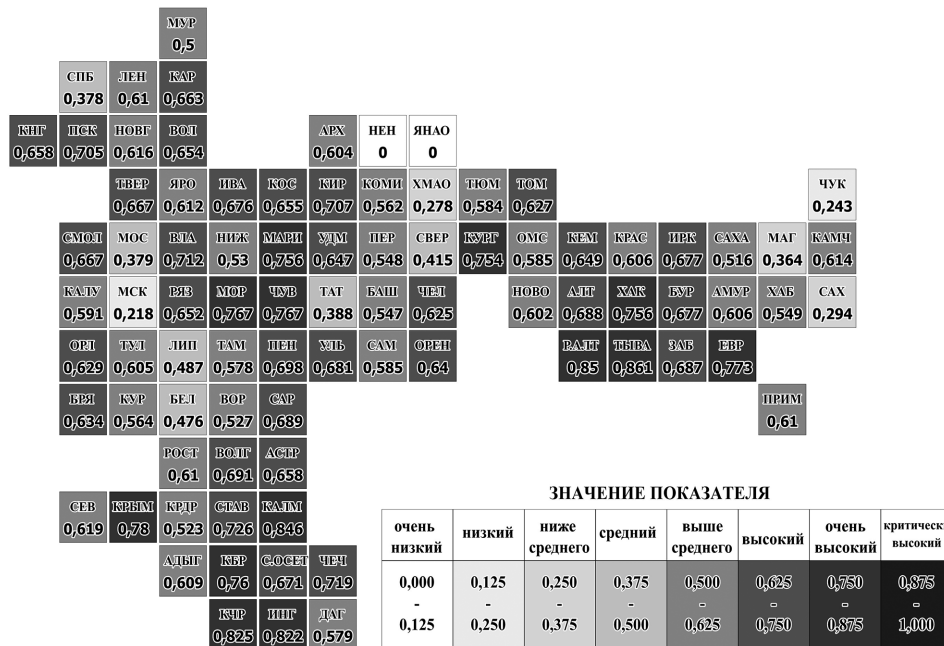

Рис. 12. Значение индекса бедности населения по регионам Российской Федерации в 2015–2019 гг.

Источник: составлено автором по [32; 33].

Наибольшей бедности, как правило, подвержены определенные социальные группы: безработные, пенсионеры и многодетные семьи. С точки зрения маргинализации социума последняя группа представляет наибольшее беспокойство. Более четверти детей в России живут за чертой бедности¹¹. При этом именно детская бедность обуславливает «ловушку нищеты», когда ребенок растет в социальной депривации, лишаясь возможности получить полноценные услуги образования, культуры, медицины и т.д.¹² Выросшие в таких условиях дети, повзрослев, будут с большей вероятностью работать на низкооплачиваемых рабочих местах, а в перспективе иметь меньшие по размеру пенсии. «Ловушка бедности» один из наиболее животрепещущих вызовов, в значительной степени обуславливающий маргинализацию. Нехватка средств для поддержания достойного уровня жизни при-

¹¹ Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2019 гг. // Росстат. 2020. URL: http://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm (дата доступа: 28.12.2020).

¹² Четверть детей в России оказались за чертой бедности. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd> (дата доступа: 28.12.2020).

водит граждан к асоциальному образу жизни, обуславливая целый комплекс проблем от распространения социальных заболеваний до роста преступности. Не стоит недооценивать и проблему, связанную с высокой безработицей, поскольку при потере/отсутствии работы, человек теряет постоянный заработок, а, следовательно, неспособен обеспечивать себя и свою семью, что может вынудить его преступить закон¹³.

Выводы из полученных результатов

География маргинализации и обозначенных в статье основных ее составляющих имеет некоторые характерные особенности, связанные с различными экзо- и эндогенными факторами. Все факторы в зависимости от происхождения можно разделить на географические, экономические или культурно-институциональные.

Наиболее яркий географический фактор, определяющий маргинализацию региона — его *расположение в системах «запад — восток» и «север — юг»*. Восточные регионы — более маргинализованы, чем западные, а северные, как правило, более проблемные, нежели южные. В двух этих плоскостях работают факторы *природно-климатических условий и староосвоенности*. Первый фактор препятствует оттоку населения, создавая более комфортные условия для жизни даже в относительно бедных регионах, второй — определяет наличие культурного базиса, насыщенность территории разнообразными аттракторами и активностями, которые в значительной мере отвлекают население от ведения асоциального образа жизни.

Следующий важный фактор — это *культурно-религиозные отличия*. Мусульманские народы менее маргинализованы ввиду приверженности верующих культуре традиционных ценностей (полные семьи, жесткие запреты на самоубийства и т.д.), а также нераспространенности алкоголизма и наркомании. Другие народы, особенно малочисленные народы Севера, напротив, сильно подвержены воздействию алкоголя на генетическом уровне, что способствует быстрой деградации их социумов в случае употребления спиртосодержащих напитков.

Еще одним важным фактором экономической природы, определяющим уровень маргинализации населения региона, является *социально-экономическая ситуация*. Повышенная бедность, высокий уровень безработицы и экономической депривации населения способствует социальной эксклюзии. Регионы с невысокими доходами населения, значительным числом безработных или сильным разрывом в доходах между богатыми и бедными чаще всего попадают в число проблемных.

¹³ В работе отдельно не производился анализ показателя, напрямую отражающего безработицу в силу значительной статистической недостоверности этого показателя в российских условиях.

Уровень урбанизации – другой значимый фактор маргинализации регионов. Город, являясь формой территориальной организации жизнедеятельности людей, обладает качествами противоречивости и проблемности, которые изначально заложены в самой его сущности [34]. Одна из проблем города – благоприятные условия для криминогенности. В условиях, когда между людьми преобладают «слабые связи», возникает тенденция к участию их в непродолжительных, функционально определенных и ограниченных контактах [35]. Если в сельской местности преступления чаще всего совершаются на бытовой почве и на дому (как правило, при совместном распитии спиртных напитков), то в городах преступления могут появляться без ярко выраженной мотивации больше тяготея к общественным пространствам. В этой связи весомым фактором маргинализации служит *уровень развития публичных пространств*. На улицах, площадях, в скверах и парках совершается каждое девятое изнасилование, каждое восьмое умышленное убийство, каждое четвертое-пятое тяжкое телесное повреждение, каждое третье хулиганство [36]. Для упреждения многих преступлений достаточно формирования безопасной городской среды: уличное освещение, камеры наблюдения, развитие различных активностей, повышающих проходимость малолюдных мест и т.д.

Не менее важным фактором служит *уровень развития общественных функций*, основная цель которых – создание условий для досуга граждан. Наличие детско-юношеских секций, культурных центров, обустроенных парков отдыха, кинотеатров, музеев, театров и т.д. предоставляет возможность для интересной и насыщенной жизни прежде всего наиболее психологически неустойчивых и энергичных категорий населения – детей и подростков. Появление шансов самореализации в рамках спортивных секций или творческих кружков существенно сокращает привлекательность девиантного асоциального поведения. Насыщенность интересными местами исторических городов, вероятно, служит одной из причин меньшего уровня преступности в них, по сравнению с городами при заводах, сформированных в советский период.

К числу географических факторов маргинализации стоит отнести *приграничность* и *транспортно-географическое положение*. Эти факторы определяют *геокриминогенное состояние региона*. Нахождение на пути транзита наркотиков, наличие ценных ресурсов для вывоза (леса, рыбы, золота и т.д.), близость к границе (благоприятные условия для контрабанды) способствуют повышенным значениям преступности и развитости теневого сектора экономики [8; 11].

Все эти факторы перекликаются друг с другом, а некоторые и вовсе находятся в самой прямой зависимости. Однако нельзя не учитывать некоторые особенности сбора статистики в отдельных регионах. Например, определенную роль играет *фактор соседства и взаимодействия с другими регионами*. Зачастую имеет место несовпадение районов проживания преступников и мест совершения ими противоправных действий.

Весомая часть преступлений совершается гражданами из других регионов и государств. Соответственно, значимую роль играет фактор проживания в регионе крупных иммигрантских диаспор¹⁴.

Эффективность работы правоохранительных органов также оказывает влияние на маргинализацию: чем лучше со своей работой справляется полиция, тем меньше вероятность совершения преступления и выше безопасность проживания. Однако к достоверности статистики работы правоохранительной системы в нашей стране имеется множество вопросов и полагаться на нее в полной мере пока рано.

Заключение

В России наблюдаются значительные региональные различия в уровне социальной эксклюзии. Уровень маргинализации находится в тесной зависимости от социально-экономической устойчивости, географического положения и культурно-национальных особенностей региона. Разработанная автором методика оценки маргинализации призывает обратить внимание на острые социально-экономические проблемы, которые имеются в каждом регионе. Отобранные в исследовании показатели и созданные на их основе индексы позволили с различных ракурсов оценить имеющиеся в региональных социумах проблемы.

На основе полученных результатов автором были выделены основные группы факторов, определяющих маргинализацию социумов. Первая группа – это географические факторы: расположение в системах «запад – восток» и «север – юг», природно-климатические условия, приграничность и транспортно-географическое положение региона, уровень урбанизации, соседство и степень взаимодействия с другими регионами. Эти факторы трудно поддаются изменениям даже в продолжительный период и требуют повышенного внимания и учета при реализации региональной политики. Второй тип – экономические факторы, прежде всего социально-экономическая ситуация и уровень безработицы. Они зависят от общеэкономической ситуации в стране и в регионе и могут претерпевать изменения весьма быстро, хотя основные их особенности имеют тенденции сохраняться весьма долго (высокий уровень заработной платы в нефтегазовых регионах, высокий уровень безработицы в Нечерноземье и т.д.). Наконец, третий тип – культурно-институциональные факторы: староосвоенность, культурно-религиозные отличия, уровень развития публичных пространств и общественных функций, проживание в регионе крупных иммигрантских диаспор,

¹⁴ Так, жителями Московской области в Москве ежегодно совершается от 25 до 30% всех преступлений, приходящихся на долю приезжих, а в целом в Москве постоянными жителями города в отдельные годы совершается менее 60% всех регистрируемых преступлений [37].

эффективность работы правоохранительных органов. Эти факторы тесно вплетены в жизнь социума и формируют основные его реакции на многие социально-экономические и политические вызовы. Они отличаются разным временем трансформации: какие-то почти не меняются на протяжении десятилетий (религиозные традиции), какие-то, напротив, могут преобразовываться в считанные годы (развитие общественных пространств).

В целом представленная в статье методика определения маргинализации достаточно точно отразила известные особенности и дала возможность связать количественные статистические показатели с качественной интерпретацией полученных на их основе результатов. Все это позволяет говорить о действенности методики и возможности ее применения для такого анализа в дальнейшем.

Список литературы

1. *Park R.E.* Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. 1937. Vol. 33 (6). P. 881–893.
2. «Никомахова этика» в истории европейской мысли. Альманах / под ред. О.Э. Душина, К.А. Шморига. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 240 с.
3. *Anand S., Sen A.* Human Development and Economic Sustainability // *World Development*. 2000. Vol. 28 (12). P. 2029–2049.
4. *Inglehart R.* Human Beliefs and Values: A Cross-Cultural Sourcebook Based on the 1999–2002 Values Surveys / co-edited with Miguel Basanez, Jaime Deiz-Medrano, Loek Halman and Ruud Luijkx. Mexico City: Siglo XXI, 2004. 498 p.
5. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
6. Незаконный оборот афганских опиатов вдоль «Северного маршрута». Доклад ООН. Июнь, 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/publications/Opiate_flow_through_NR_2018_Russian_web.pdf (дата обращения 20.11.2020).
7. ВИЧ-инфекция. Информационный бюллетень № 45. – М., 2020. URL: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2020/12/Bulleten-45-VICH-infektsiya-2019-g..pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
8. *Seddon T.* Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research // *The British Journal of Criminology*. 2006. Vol. 46 (4). P. 680–703.
9. *Нечаева О.Б.* Эпидемическая ситуация по туберкулезу в России // *Tuberculosis and Lung Diseases*. 2018. № 96 (8). С. 15–24.
10. Заболеваемость и контингенты пациентов активным туберкулезом по субъектам Российской Федерации // Социально-значимые заболевания населения России в 2018 году. Статистические материалы. М., 2019. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskij-sbornik-2018-god> (дата обращения: 02.02.2021)
11. *Сикач К.Ю.* Географические факторы динамики преступности на Украине в 1990–2012 гг.: дис. ... канд. географ. наук. М., 2017. 212 с.

12. Бадов А.Д. География преступности в России: изменения за постсоветский период // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2009. № 2. С. 64–69.
13. Тард Г. Преступник и преступление / пер. Е. В. Выставкиной, под ред. М. Н. Гернета. М.: Издат-во И. Д. Сытина, 1906. 324 с.
14. Немерюк Е.Е., Банников А.Ю., Маслова Н.В. География преступности несовершеннолетних (на примере Приволжского федерального округа) // Географический вестник. 2014. № 2 (29). С. 26–33.
15. Shaw C.R., McKay H.D. Juvenile Delinquency and Urban Areas. Chicago: The University of Chicago Press, 1969. 394 p.
16. Выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления // ЕМИСС. 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (дата обращения: 02.02.2021).
17. Лелеков В.А. Молодежная преступность: проблемы и опыт региональных исследований. Воронеж, 1998. 119 с.
18. Сибиряков С.Л. Предупреждение девиантного поведения молодежи: Методологические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 60 с.
19. Число умерших от внешних причин смерти по субъектам Российской Федерации (от убийств) // Естественное движение населения Российской Федерации за 2019 г. (статистический бюллетень). 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (дата обращения: 02.02.2021).
20. Варчук Т.В. Виктимологические аспекты профилактики имущественных преступлений в условиях крупного города (по материалам квартирных краж в г. Москве): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 160 с.
21. Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 2. С. 194–220.
22. Расторопов С.В. Преступления против здоровья человека // Законодательство. 2004. № 2. С. 67–76.
23. Число умерших от внешних причин смерти по субъектам Российской Федерации (от ДТП) // Естественное движение населения Российской Федерации за 2019 г. (статистический бюллетень). 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (дата обращения: 02.02.2021).
24. Число умерших от внешних причин смерти по субъектам Российской Федерации (от отравлений алкоголем) // Естественное движение населения Российской Федерации за 2019 г. (статистический бюллетень). 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (дата обращения: 02.02.2021).
25. Число умерших от внешних причин смерти по субъектам Российской Федерации (от самоубийств) // Естественное движение населения Российской Федерации за 2019 г. (статистический бюллетень). 2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (дата обращения: 02.02.2021).
26. Киселев Д.Н. Клинико-социальные характеристики лиц, совершивших попытку самоубийства, и организация скорой суицидологической помощи: дис. ... канд. мед. наук. М., 2019. 179 с.
27. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности (опыт этнологического анализа). Ижевск: Удмуртия, 2002. 144 с.

28. Хайруллина Н.Г. Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа // Социологические исследования. 1994. № 7. С.150–153.

29. Хайруллина Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов севера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19337> (дата обращения: 01.12.2020).

30. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

31. Коэффициенты младенческой смертности // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

32. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

33. Среднедушевые денежные доходы населения // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

34. Ланно Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. 816 с.

35. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Psychology*. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.

36. Варчук Т.В. Криминология: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. 298 с.

37. Матвеева А.А. Преступность в Москве и ее профилактика // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1997. № 4. С. 34–45.

References

1. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man, *American Journal of Sociology*, 1937, Vol. 33 (6), pp. 881–893.

2. «Nikomahova etika» v istorii evropeiskoi mysli. Al'manah [«Nicomachean Ethics» in the History of European Thought. Almanac]. Eds. O.E. Dushina, K.A. Shmoraga. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet, 2017, 240 p. (In Russ.).

3. Anand S., Sen A. Human Development and Economic Sustainability, *World Development*, 2000, Vol. 28 (12), pp. 2029–2049.

4. Inglehart R. Human Beliefs and Values: A Cross-Cultural Sourcebook Based on the 1999–2002 Values Surveys / co-edited with Miguel Basanez, Jaime Deiz-Medrano, Loek Halman and Ruud Luijkx. Mexico City: Siglo XXI, 2004. 498 p.

5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital, *American Journal of Sociology*, 1988, Vol. 94, pp. 95–120.

6. Nezakonnyi oborot afganskih opiatov vdol' "Severnogo marshruta". Doklad OON. Iyun', 2018. [Illicit Trafficking of Afghan Opiates along the "Northern Route. The UNO Report. June, 2018]. (In Russ.). Available at: <https://www.unodc.org/>

documents/publications/Opiate_flow_through_NR_2018_Russian_web.pdf (accessed 20 November 2020).

7. ВИЧ-инфекция. Информационный бюллетень N 45 [HIV infection. Information bulletin No. 45]. (In Russ.). Available at: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2020/12/Byulleten-45-VICH-infektsiya-2019-g.pdf> (accessed 02 February 2021).

8. Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research, *The British Journal of Criminology*, 2006, Vol. 46 (4), pp. 680–703.

9. Nechaeva O.B. Epidemicheskaya situatsiya po tuberkulezu v Rossii [The Epidemic Situation of Tuberculosis in Russia], *Tuberculosis and Lung Diseases* [Tuberculosis and Lung Diseases], 2018, № 96 (8), pp. 15–24. (In Russ.).

10. Zabolevaemost' i kontingenty pacientov aktivnym tuberkulezom po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii [Morbidity and Contingents of Patients with Active Tuberculosis in the Subjects of the Russian Federation]. *Social'no-znachimye zabolevaniya naseleniya Rossii v 2018 godu. Statisticheskie materialy* [Socially Significant Diseases of the Population of Russia in 2018. Statistical submissions.]. Moscow, 2019. (In Russ.). Available at: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> (accessed 02 February 2021).

11. Sikach K.Yu. Geograficheskie faktory dinamiki prestupnosti na Ukraine v 1990–2012 gg. Diss. kand. geogr. nauk [Geographical Factors of Crime Dynamics in Ukraine in 1990–2012. PhD geograph. sci. diss.], Moscow, 2017. 212 p. (In Russ.).

12. Badov A.D. Geografiya prestupnosti v Rossii: izmeneniya za postsovetkii period [Geography of Crime in Russia: Changes in the Post-Soviet Period], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography], 2009, No. 2. pp. 64–69.

13. Tard G. Prestupnik i prestuplenie [Outlaw and Crime], translated by E. V. Vystavkina, edited by M. N. Gernet. Moscow, Izdat-vo I. D. Sytina, 1906. 324 p. (In Russ.).

14. Nemeryuk E.E., Bannikov A.Yu., Maslova N.V. Geografiya prestupnosti nesovershennoletnih (na primere Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Geography of Juvenile Delinquency (on the Example of the Privolzhsky Federal District)] *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], 2014. No 2 (29). pp. 26–33. (In Russ.).

15. Shaw C.R., McKay H.D. Juvenile Delinquency and Urban Areas. Chicago, The University of Chicago Press, 1969. 394 p.

16. Vyyavleno nesovershennoletnih, sovershivshih prestupleniya [Minors Who Have Committed Crimes Identified], *EMISS* [EMISS], 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (accessed 02 February 2021).

17. Lelekov V.A. Molodezhnaya prestupnost': problemy i opyt regional'nyh issledovaniy [Youth Crime: Problems and Experience of Regional Studies]. Voronezh, 1998. 119 p. (In Russ.).

18. Sibiryakov S.L. Preduprezhdenie deviantnogo povedeniya molodezhi: Metodologicheskie i prikladnye problemy. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk [Prevention of Deviant Behavior of Young People: Methodological and Applied Problems. Dr. law sci. abstract diss.], Moscow, 1998, 60 p. (In Russ.).

19. Chislo umershih ot vneshnih prichin smerti po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii (ot ubiistv) [The Number of Deaths from External Causes of Death in the Constituent Entities of the Russian Federation (from Murders)], *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiiskoi Federatsii za 2019 g. (statisticheskii byulleten')* [The Number of Deaths from

External Causes of Death in the Constituent Entities of the Russian Federation (from Murders)], 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (accessed 02 February 2021).

20. Varchuk T.V. Viktimologicheskie aspekty profilaktiki imushchestvennykh prestuplenii v usloviyah krupnogo goroda (po materialam kvartirnykh krazh v g. Moskve). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. [Victimological Aspects of the Prevention of Property Crimes in a Large City (Based on Burglary Materials in Moscow). PhD law sci. abstract diss.], Moscow, 1999, 160 p. (In Russ.).

21. Andrienko Yu.V. V poiskah ob'yasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyi period: kriminometricheskii podhod [In Search of an Explanation for the Growth of Crime in Russia During the Transition Period: A Criminometric Approach], *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal], 2001, Vol. 5, No. 2, pp. 194–220. (In Russ.).

22. Rastoropov S.V. Prestupleniya protiv zdorov'ya cheloveka [Crimes Against Human Health], *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2004, No. 2, pp. 67–76. (In Russ.).

23. Chislo umershih ot vneshnih prichin smerti po sub'ektam Rossiiskoi Federacii (ot DTP) [The Number of Deaths from External Causes of Death in the Constituent Entities of the Russian Federation (from Road Accidents)], *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiiskoi Federacii za 2019 g. (statisticheskii byulleten')* [Natural Movement of the Population of the Russian Federation for 2019 (Statistical Bulletin)], 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (accessed 02 February 2021).

24. Chislo umershih ot vneshnih prichin smerti po sub'ektam Rossiiskoi Federacii (ot otravlenii alkogolem) [The Number of Deaths from External Causes of Death in the Constituent Entities of the Russian Federation (from Alcohol Poisoning)], *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiiskoi Federacii za 2019 g. (statisticheskii byulleten')* [Natural Movement of the Population of the Russian Federation in 2019 (Statistical Bulletin)], 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (accessed 02 February 2021).

25. Chislo umershih ot vneshnih prichin smerti po sub'ektam Rossiiskoi Federacii (ot samoubiistv) [The Number of Deaths from External Causes of Death by Constituent Entities of the Russian Federation (From Suicide)], *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiiskoi Federacii za 2019 g. (statisticheskii byulleten')* [Natural Movement of the Population of the Russian Federation in 2019 (Statistical Bulletin)], 2020. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36208> (accessed 02 February 2021).

26. Kiselev D.N. Kliniko-social'nye harakteristiki lic, sovershivshih popytku samoubiistva, i organizaciya skoroj suicidologicheskoy pomoshchi. Diss. kand. med. nauk [Clinical and social characteristics of individuals who attempted suicide and the organization of emergency suicidological care. PhD med. sci. diss.], Moscow, 2019, 179 p. (In Russ.).

27. Petrov A.N. Udmurtskii etnos: problemy mental'nosti (opyt etnologicheskogo analiza). [Udmurt ethnos: problems of mentality (Experience of Ethnological Analysis)]. Izhevsk: Udmurtiya 2002, 144 p. (In Russ.).

28. Hairullina N.G. Sovremennye problemy optimizacii tradicionnogo hozyaistva korenykh narodov Hanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga [Modern Problems of Optimization of the Traditional Economy of Indigenous Peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug], *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1994, No. 7, pp. 150–153. (In Russ.).

29. Hairullina N.G. Problema alkogolizma v srede korennyh malochislennyh narodov severa [The Problem of Alcoholism among the Indigenous Peoples of the North], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015. No. 1-1. (In Russ.). Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=19337> (accessed 01 December 2020).

30. Koeffitsienty migracionnogo prirosta na 10 000 chelovek naseleniya [Coefficients of Migration Growth Per 10,000 Population], *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators], 2020. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (accessed 02 February 2021).

31. Koeffitsienty mladencheskoi smertnosti [Infant Mortality Rates], *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators], 2020. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (accessed 02 February 2021).

32. Ctoimost' fiksirovannogo nabora potrebitel'skih tovarov i uslug [Cost of a Fixed Set of Consumer Goods and Services], *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators], 2020. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (accessed 02 February 2021).

33. Srednedushevye denezhnye dohody naseleniya [Average Per Capita Monetary Income of the Population], *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators], 2020. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf (accessed 02 February 2021).

34. Lappo G.M. Itogi rossiiskoi urbanizacii k koncu XX veka [Results of Russian Urbanization by the End of the XX Century], *Rossiya i ee regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migracii* [Russia and Its Regions in the XX Century: Territory – Settlement – Migration]. Moscow, OGI, 2005, 816 p. (In Russ.).

35. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties, *American Journal of Psychology*, 1973, Vol. 78(6), pp. 1360–1380.

36. Varchuk T.V. Kriminologiya: Uchebnoe posobie [Criminology: A Study Guide]. Moscow, INFRA-M, 2002, 298 p. (In Russ.).

37. Matveeva A.A. Prestupnost' v Moskve i ee profilaktika [Crime in Moscow and Its Prevention], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 11. Pravo*. [Bulletin of Moscow University. Series 11. Law], 1997, No. 4. pp. 34–45. (In Russ.).

INTEGRAL ASSESSMENT OF THE LEVEL OF MARGINALIZATION OF REGIONAL SOCIETIES IN RUSSIA

The marginalization of society is one of the most acute problems of modern Russia leading to a slowdown of the development of social and human capital. World practice shows that the social atmosphere serves as a necessary environment for the self-realization of the individual and the disclosure of the natural potential inherent in it. The social background sets certain standards for a person's self-expression, promotes the conversion of his talents in the economic and cultural spheres and it is an integral part of the process of forming a civil society. If modern education, high-quality medicine or high culture stimulate the development of human capital, then crime, poverty or social diseases, on the contrary, suppress its growth. The article shows the versatility of marginalization, explains its main

causes and regional specifics. A system of indicators and a methodology for evaluating this phenomenon are proposed. The author presents an attempt to link a number of statistical indicators of social exclusion with the most striking characteristics of social marginalization. On this basis, a methodology for assessing the marginalization of regional societies is developed, the heterogeneity and regional specifics of this phenomenon are shown and the main factors of geographical, economic, cultural and institutional origin that cause reduced or increased values of marginalization are identified.

Keywords: social marginalization, quality of life, regional inequality, social tension.

JEL: Z13

Дата поступления – 03.02.2021 г.

БАБКИН Роман Александрович

младший научный сотрудник научной лаборатории «Региональной политики и региональных инвестиционных процессов»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36., г. Москва, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

BABKIN Roman A.

Junior Researcher of Research Laboratory «Regional Policy and Regional Investment Processes»;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

Для цитирования:

Бабкин Р.А. Интегральная оценка уровня маргинализации региональных социумов России // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 132–164.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-132-164>